

УДК 343.8

ШОНХОР АЛЕКСАНДРОВИЧ АРНЮДАЕВ,
магистрант 2-го курса юридического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shonkhor@bk.ru

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ДОЛЖНО ЛИ ОНО ОГРАНИЧИВАТЬСЯ?

Для цитирования

Арнюдаев, Ш. А. К вопросу о запрете активного избирательного права осужденных к лишению свободы: должно ли оно ограничиваться? / Ш. А. Арнюдаев // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 2. – С. 174–178.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема ограничения политических прав осужденных к лишению свободы. На данный момент одной из самых актуальных проблем российского уголовно-исполнительного права считается запрет осуществления активного избирательного права осужденными к лишению свободы. В соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, лишены права избирать и быть избранными. Данный вопрос является предметом споров многих правоведов и практиков. Европейский суд по правам человека признал лишение осужденных осуществлять активное избирательное право противоречащим Конвенции о защите прав человека и основных свобод в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», а также в деле «Исаков и другие против Российской Федерации». Однако Конституционный Суд Российской Федерации признал невозможным исполнение постановления Европейского суда по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» в части общих мер, предполагающих внесение изменений в правовую систему Российской Федерации. Ограничение прав осужденных возможно только для соблюдения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства. Ограничения осужденных в активном избирательном праве допускают качественные и количественные погрешности при учете электоральной активности, тем самым делая неполным мнение населения Российской Федерации.

Возможна оптимизация системы уголовных наказаний касательно избирательного права осужденных путем перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав. Россия должна стремиться к идеалам демократии, справедливости, однако вследствие сложной политической ситуации в стране данные изменения могут быть негативно восприняты населением. В связи с этим предлагаются изменения

по оптимизации системы уголовных наказаний посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний.

Ключевые слова: активное избирательное право, осужденные к лишению свободы, Европейский суд по правам человека, уголовно-исполнительное право.

В настоящее время одной из самых актуальных проблем российского уголовно-исполнительного права можно считать проблему ограничения возможности осужденных к лишению свободы обладать активным избирательным правом.

В соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, лишены права избирать и быть избранными. Данный запрет распространяется на всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы по приговору суда. Запрет осуществлять активное и пассивное избирательное право касается всего периода отбывания такого наказания вне зависимости от срока назначенного наказания, тяжести и вида совершенного преступления и иных индивидуальных обстоятельств. Это правило не распространяется на заключенных, содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО), так как их вина еще не доказана судом.

Вопрос правомерности и соразмерности недифференцированного ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы, непосредственно затронул Российскую Федерацию в 2013 г., когда Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал лишение осужденных права избирать и быть избранными противоречащим ст. 10 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», а также нарушающим статью 13 Конвенции в деле «Исаков и другие против Российской Федерации». По делу Анчугова и Гладкова, оспаривающих запрет избирательных прав для осужденных к лишению свободы лиц, предварительной позиции Конституционного Суда Российской Федерации не было. Однако в данном случае были прецеденты самого Европейского суда: суд пошел по пути, избранному в деле «Херст против Соединенного Королевства» (2005 г.), а также в деле «Скопполы против Италии» (дело № 3, 2012 г.), и пришел к заключению, что Российская Федерация в данном случае вышла за пределы усмотрения, предоставленные ему в области избирательного права. В деле «Исаков и другие против Российской Федерации» Европейский суд по правам человека вынес соответствующее решение в упрощенном порядке, по аналогии с обстоятельствами ранее рассмотренного дела, а именно «Анчугов и Гладков против Российской Федерации». При этом Европейский суд отклонил требования о присуждении компенсации морального вреда, указав, что установление самого факта нарушения является достаточной и справедливой компенсацией, а также решил, что просьба заявителей о возмещении денежных средств, которые были потрачены на юридическую помощь, не обоснована, так как предмет жалобы не является сложным и не требует профессиональной юридической помощи. В результате Европейский суд присудил только компенсацию почтовых расходов в размере от 8 до 30 евро девятерым из двадцати четырех заявителей.

Во всех четырех случаях (включая дело Исакова и других против Российской Федерации) суд придерживался уже устоявшейся в данных случаях позиции, а именно: «В современном правовом обществе нет места автоматическому лишению прав целых социальных групп населения».

19 апреля 2016 г. Конституционный Суд Российской Федерации определил пределы реализации решения Европейского суда по правам человека об избирательных правах

осужденных, он также признал невозможным исполнение постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» в части общих мер, предполагающих внесение изменений в правовую систему Российской Федерации, которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, так как ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации носит императивный характер и распространяется на всех осужденных. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что федеральный законодатель вправе усовершенствовать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы (например, колонии-поселения) в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы, но не влекущие ограничения избирательных прав.

Дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» представляет особый интерес, поскольку Европейский суд по правам человека в данном деле рассматривал не законодательный запрет, а конституционный. Однако Европейский суд в своем решении отвергнул довод властей Российской Федерации об отличии данного дела от всех предыдущих, то, что международному законодательству противоречит не обычный нормативно-правовой акт, а Конституция – Основной Закон Российской Федерации. Довод в том, что для изменений положений гл. 2 Конституции необходимо созывать Конституционное собрание и принимать новую Конституцию, также был отвергнут. Европейский суд по правам человека указал, что имеющееся противоречие между конвенционной нормой международного права и конституционной нормой Российской Федерации может быть разрешено только компетентными органами, а именно Конституционным Судом Российской Федерации. Таким образом, это позволит координировать действия компетентных органов и поможет избежать конфликтов между ними. По мнению Европейского суда по правам человека, это возможно сделать только путем толкования ч. 3 ст. 32 Конституции РФ Конституционным Судом Российской Федерации. Дело Анчугова и Гладкова стало своеобразным камнем преткновения во взаимоотношениях ЕСПЧ и Российской Федерации.

По мнению Л. А. Тереховой, вышеуказанное решение Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует о политизированности данного вопроса, так как, во-первых, инициаторами обращения в Конституционный Суд были не сами граждане, чьи дела легли в основу конфликта, а Министерство юстиции Российской Федерации. Во-вторых, перед Конституционным Судом была изначально поставлена задача конфронтации и ответа на вопрос о приоритете позиции именно Конституционного Суда Российской Федерации как основании для неисполнения постановлений Европейского суда по правам человека [1, с. 97–100].

Выводы Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу непротиворечивы. Во-первых, международные договоры – это неотъемлемая часть российской правовой системы. Конституционный Суд, настаивая на приоритете Конституции в правовой системе России, тем самым ставит ее выше международных договоров, которые, по логике Конституционного Суда, обязаны подчиниться российской Конституции. Во-вторых, Конституционный Суд вводит процедуру своеобразного «двойного» контроля, так как заявитель ранее обращался в Конституционный Суд и позиция суда известна заявителю. После обращения в ЕСПЧ Европейский суд по данному делу занимает позицию, не совпадающую с мнением Конституционного Суда Российской Федерации. В случае попытки заявителя пересмотреть свое решение в российском суде по новым обстоятельствам он должен иметь в виду, что суд, занимающийся рас-

смотрением данного дела, снова обратится в Конституционный Суд Российской Федерации. Исходя из вышеуказанного можно прийти к выводу, что Конституционный Суд занимается контролем и самого себя (своеобразный самоконтроль) и Европейского суда по правам человека.

Г. Б. Романовский в своей статье, цитируя С. М. Казанцева, прямо указал, что постановление ЕСПЧ могло быть признано исполнимым на территории России: «Следовательно, в случае если бы российский законодатель предоставил части граждан, содержащихся в местах лишения свободы, активное избирательное право, сузив ограничение избирательных прав, закрепленное частью 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации, то такое правовое толкование не могло бы быть признано нарушающим Конституцию Российской Федерации» [2].

Однако многие российские правоведы также считают, что лишение осужденных осуществлять свое активное избирательное право законно. Например, А. В. Елинский полагает, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, которая не может быть преодолена никаким международно-правовым актом. Соответственно решение Европейского суда по правам человека не может быть исполнено властями Российской Федерации [3].

В данном вопросе мы солидарны с решением ЕСПЧ. На наш взгляд, Конституционный Суд Российской Федерации должен был руководствоваться ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Приоритет норм международного права над внутригосударственным не подлежит обсуждению. Это дает возможность международному правоприменителю критически оценивать систему норм отдельно взятого государства, а также выявлять проблемы, пробелы и противоречия норм внутригосударственного права, сложно различимые национальному законодателю. Статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. также устанавливает, что каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей. Основываясь на вышеуказанном, можно сделать вывод, что любой запрет осуществления гражданами своих избирательных прав неприемлем.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, здоровья, нравственности, прав, свобод и законных интересов других лиц и т. д.

По нашему мнению, ограничение осуществления активного избирательного права возможно только в целях защиты основных конституционных ценностей при соблюдении принципа юридического равенства, основываясь на критериях разумности, необходимости и соразмерности. Необходимо задаться вопросом: какие основные охраняемые конституционные ценности повлекли за собой ограничение законодателем такого, безусловно, важного и неотъемлемого права, как возможность осуществления активного избирательного права?

На наш взгляд, ограничение прав осужденных возможно для соблюдения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства, а также правил внутреннего распорядка исправительных учреждений. Наличие права избирать у осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, никаким образом не идет вразрез с целями уголовно-

исполнительного законодательства и не нарушает внутренний распорядок исправительных учреждений. Государство, ограничивая осужденного в активном избирательном праве, сознательно допускает качественные и количественные погрешности в процессах электоральной активности, тем самым делая неполным мнение населения Российской Федерации.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации можно признать носящим компромиссный характер, но в то же время считаем необходимым отметить, что данное постановление не привнесло каких-либо изменений в ограничении осуществления активного избирательного права осужденными. Формулировка «федеральный законодатель вправе...» не означает, что правовое регулирование касательно изменения законодательства в этом вопросе будет осуществлено.

На наш взгляд, следует оптимизировать систему уголовных наказаний касательно избирательного права осужденных. Поскольку в соответствии с текстом ч. 3 ст. 32 Конституции РФ осужденные лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными, нельзя говорить о наделении всех категорий осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, без изменения Конституции Российской Федерации. Однако, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П, возможно изменение уголовно-исполнительной системы посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

В частности, возможно изменить статус колоний-поселений: рассматривать помещение в колонию-поселение не как лишение свободы, а как ограничение свободы осужденного лица. Это позволит осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, осуществлять свое активное избирательное право.

По нашему мнению, Россия должна стремиться к идеалам демократии, справедливости, а также первостепенному обеспечению прав и свобод каждого гражданина в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, поэтому недифференцированное лишение осужденных избирательных прав не представляется соразмерным обеспечению законных целей.

Вместе с тем мы понимаем, что вследствие сложной политической ситуацией в стране данные изменения могут быть негативно восприняты населением. В связи с этим предлагаем реализовать вышеуказанные изменения, озвученные Конституционным Судом Российской Федерации, по оптимизации системы уголовных наказаний посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний. Это позволит, например, осужденным к лишению свободы в колониях-поселениях осуществлять избирательное право. Таким образом, более 35 тыс. осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, смогут иметь возможность реализовать свое активное избирательное право.

Библиографический список

1. Терехова Л. А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве : монография. М., 2017. 144 с.
2. Романовский Г. Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения Конституционного Суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран // Lex russica. 2017. № 2. С. 135–146.
3. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106–113.